

работал на арматуре, также досрочно сдал пробу (шабровку левого паровозного золотника). Многие ровесники тогда мне завидовали.

К 1912 году я уже считался умелым деповцем, несмотря на свою молодость (мне было 19 лет). Выпивкой я не занимался, любил читать. Все это, видимо, и привлекло ко мне внимание двух рабочих депо — Н. А. Гребнева и А. С. Попкова. Тогда я, конечно, не знал, что они являются революционерами-подпольщиками. Только впоследствии, когда мы сблизились на нелегальной партийной работе, я узнал биографии этих замечательных людей.

Алексей Семенович Попков был выходцем из бедной крестьянской семьи Кыласовской волости Кунгурского уезда. С 11 до 14 лет Алексей работал в Перми у фотографа мальчиком на побегушках. Жил он у дяди — рабочего Мотовилихинского завода. Дядя часто приносил нелегальные прокламации и политические брошюры, и Алексей читал их вслух.

После революции 1905—1907 годов Попков вернулся в свою деревню. Бедняцкое хозяйство отца не могло прокормить семью, и Алексей пошел батрачить к кулаку Перевозчикову. Было ему тогда 15 лет. Но рослый, широкоплечий парень выглядел гораздо старше своих лет и работал наравне со взрослыми. Кулак, учитывая возраст Алексея, платил ему, как подростку. Это возбуждало у парня ненависть к хозяину, он за глаза со злобой отзывался о Перевозчикове. Нашлись батраки, которые стали его подзадоривать, говоря:

— А ты вот попробуй не поздоровайся с хозяином.

— Ну и попробую!

Этот разговор дошел до Перевозчикова, и он пришел на гумно, где батраки молотили хлеб. Алексей сделал вид, что не замечает хозяина. Перевозчиков подошел вплотную к Алексею и с ехидством спросил:

— Здравствуй, Алексеюшка, ты что же со мной не здороваешься?

Алексей промолчал.

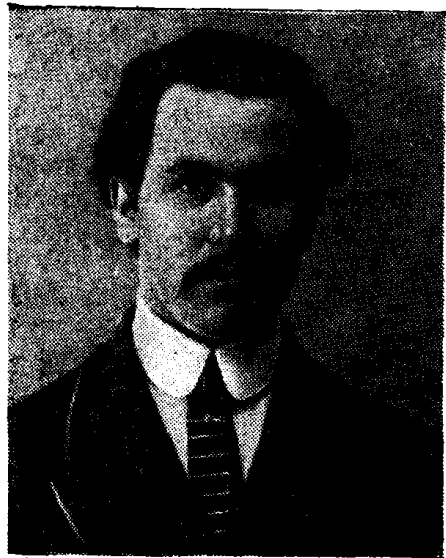
В тот же день его прогнали с работы.

Отец Алексея требовал, чтобы сын пал в ноги своему «благодетелю». Алексей отказался идти на поклон к кулаку и стал заниматься извозом. Но отец не переставал попрекать сына, и в конце концов Алексей ушел из

дома. «Поработаю в городе, — мечтал он, — накоплю деньжонок и вернусь в деревню. Приобретем с отцом нужный в сельском хозяйстве инвентарь и даже машины, поставим дело по-иному, выбьемся, наконец, из нужды и кулацкой кабалы». Но мечты эти вскоре рассеялись.

Алексей долго толкался в Перми в поисках постоянной работы и, не найдя ее, перебрался в город Чусовой. Здесь после долгих скитаний он поступил чернорабочим в железнодорожное депо. Внимательно присматривался Алексей к новой обстановке и людям. Тут ему в руки вновь попала запрещенная политическая литература, подобная той, которую он читал у дяди в Мотовилихе в 1905 году.

Любознательного паренька вскоре заметили старшие товарищи и стали приглашать его на нелегальные собрания. Алексей внимательно слушал споры большевиков с меньшевиками, эсерами и анархистами. Он пока не разбирался в их смысле, но настойчиво доискивался причин разногласий, усиленно читал политическую литературу.



Николай Андреевич Гребнев

В 1910 году Алексей Попков перевелся во вновь открывшееся Кунгурское депо. В том же году в Кунгур приехал высланный за революционную деятельность из Мотовилихинского завода большевик, участник вооруженного восстания 1905 года Николай Андреевич Гребнев. Он только что отбыл заключение в Николаевской тюрьме Верхотурского уезда Пермской губернии, где сидел в одной камере с Яковом Михайловичем Свердловым.

В Кунгур Гребнев приехал к брату, работавшему токарем в депо. Здесь, среди железнодорожников, были

отличные условия для развертывания политической работы.

Вначале Гребнев работал киоскером на станции. Он продавал газеты и журналы от суворинского агентства, монополизировавшего журнально-газетную торговлю по всем железным дорогам России. Это скромное место с мизерным заработком весьма устраивало Гребнева: оно давало ему возможность, не привлекая к себе внимания властей, общаться с рабочими и налаживать связи. В Кунгуре Н. А. Гребнев познакомился с А. С. Попковым.

— Собирай крепких ребят, — сказал Гребнев Попкову, — и приходите ко мне на квартиру, будем заниматься политграмотой.

Так, в декабре 1911 года я впервые попал на легальное собрание, которое проходило на квартире у Гребнева. Здесь читались и обсуждались произведения художественной литературы. Первой книгой, которую мне дал почитать Гребнев, была повесть М. Горького «Мать».

Однако чтение художественной литературы было лишь начальным этапом пропагандистской работы среди деповцев, которую вели Н. А. Гребнев и А. С. Попков. Еще в 1911 году они провели в лесу первую нелегальную маевку рабочих депо.

Николай Андреевич Гребнев поддерживал связь с редакциями газет «Пермская жизнь» и «Семафор», писал корреспонденции о тяжелой жизни рабочих, критиковал начальство. Помнится, в заметке, напечатанной в газете «Семафор», Гребнев разоблачил бесхозяйственность на дороге, равнодушие чиновников к народному добру, отсутствие забот о качестве топлива и содержании паровозов, в результате чего отягчался труд и страдала зарплата машинистов. Заметка сопровождалась карикатурой, где было изображено, как начальник службы тяги Пермской железной дороги вылетает в трубу паровоза.

В это время Н. А. Гребнев уже работал чертежником в конторе Кунгурского депо. Начальник депо Девашов дознался, что критика в газете — дело рук Гребнева, и договорился с управлением дороги о переводе смутьяна-чертежника в другое депо, на станцию Пермь I, поближе к железнодорожному надзору.

Однако, перебравшись в Пермь, Гребнев поступил слесарем на Мотовилихинский завод. Во время одной из поездок в Пермь Попков (он тогда уже работал помощником машиниста) узнал от Гребнева, что в Питере выходит газета «Звезда». Это была первая большевистская легальная газета. Вскоре трое молодых рабочих



Михаил Семенович Ермилов,  
один из первых подписчиков  
большевистской газеты  
«Звезда»

депо: Михаил Ермилов, Леонид Литвинович и я стали подписчиками этой газеты. А трое других, в том числе Алексей Попков, подписались на меньшевистский журнал «Дело жизни», после закрытия которого стала выходить газета «Луч» (подписчики журнала механически стали получать эту газету). Замечу сразу, что Алексей Семенович Попков меньшевиком никогда не был, а стал подписчиком журнала исключительно для того, чтобы быть лучше подготовленным для борьбы с меньшевиками - ликвидаторами.

Так, в годы нового революционного подъема к нам в Кунгур проникла печать, представившая и большевизм и меньшевизм.

Мы старательно пропагандировали среди рабочих депо большевистскую «Звезду», но число ее подписчиков не прибавлялось: газета не была массовой, она выходила два раза в неделю и была рассчитана главным образом на пропагандистов и руководящий состав партийных организаций.

Мы очень остро ощущали нужду в ежедневной массовой политической газете для широких слоев рабочих. Такой газетой стала «Правда».

Уже в первом номере «Правды», который вышел 22 апреля 1912 года (5 мая) была опубликована коррес-

понденция Н. А. Гребнева, разоблачавшая кунгурское духовенство.

Кунгурские большевики использовали «Правду» для широкой революционной пропаганды среди рабочих депо. В обеденные перерывы устраивались коллективные читки, на которые приходило 20—30, а иногда и больше рабочих. Постоянным и прекрасным чтецом был у нас токарь Иван Васильевич Воронищев.

Однажды он читал какой-то интересный материал. Рабочие расселись кружком — кто на верстаке, кто на полу — и слушали его с большим вниманием. Тишина была нарушена меньшевиком Вавиловым. Он подошел к Воронищеву и предложил послушать сообщение из газеты «Луч». Воронищев прервал чтение. К Вавилову подвинулся всеми уважаемый пожилой котельщик Семен Климов.

— Ты, сынок, — сказал он, — не мешай нам, не лезь со своим «Лучом». Мы ведь вас, ликвидаторов, хорошо знаем. На словах вы за рабочих, а на деле в другую сторону тянете.

Но Вавилов не унимался:

— Да послушайте, что пишет социал-демократическая газета!

— Ты перестанешь нам мешать? — с возмущением крикнул слесарь Григорий Долгих. — Если не прекратишь брехни, то мы тебя заставим.

И Вавилов ушел из цеха.

У нас в депо «Правду» читали не только вслух. Она переходила из рук в руки и зачитывалась до дыр. Статьи обсуждались и среди крестьян села Филипповки и деревни Беркутово. В июне 1914 года по решению Центрального Комитета РСДРП(б) стал выходить «Уральский листок» — вкладной лист к газете «Правда», который мы также активно использовали в своей пропаганде.

Революционная роль большевистской печати была исключительно велика.

Вспоминается такой эпизод. Как работник железной дороги, я пользовался правом бесплатного проезда по всей стране. В июле 1914 года я ездил на экскурсию в Петербург, Москву, Киев и Одессу. Из Петербурга я заехал в Кронштадт и по наивности спросил у газетчика

«Правду». Тот был буквально ошеломлен моим вопросом.

— Вы понимаете, где находитесь? — спросил он. — Какая тут может быть «Правда», ведь это военный порт, а не улица Петербурга!

«Правда», издание которой было разрешено правительством, при обысках отбиралась, как нелегалыщина, как доказательство преступной революционной деятельности, а в армию и военно-морской флот эта газета совсем не допускалась.

Но и в таких условиях число подписчиков «Правды» росло. В нашем депо их было сначала 7, а через год 14 человек. А за каждым подписчиком стояли десятки читателей и друзей газеты. В получку рабочие охотно вносили по 10, 15, 20 копеек в фонд «Правды». Взносы эти были, конечно, невелики, однако, как говорил В. И. Ленин, «Каждый групповой сбор означает не только сумму пятаков и гривенников, но еще нечто гораздо более важное: сумму совместной, массовой энергии, решимость *групп* рабочую газету поддерживать, распространять, направлять, создавать своим собственным участием»<sup>1</sup>.

На первых порах мы сделали ошибку, допустив меньшевиков примазаться к нашей инициативе по сбору средств в фонд «Правды». Они склонили нас к проведению сбора в пользу рабочей печати вообще. Мы собрали 13 рублей, и меньшевик Вавилов предложил поделить эти деньги пополам, чтобы послать их «Правде» и меньшевистскому «Лучу». Мы с этим не согласились, послали «Правде» 7 рублей, а меньшевикам отдали 6 рублей и заявили: если судить по совести и по настроению жертвователей, то и это вам, меньшевикам, лишнее. Со своей стороны, мы считаем, что совершили большую ошибку, связавшись с вами, и больше никогда этого не повторим.

Следующий сбор в фонд «Правды» мы проводили самостоятельно. Это помогло нам выявить передовых рабочих, которых, мы впоследствии вовлекали в члены большевистской организации.

А меньшевистский «Луч» оказался в загоне. Не по-

---

<sup>1</sup> В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 18, стр. 171. (В дальнейшем цит. также по четвертому изданию).

могла ему и перемена вывески: «Рабочая газета», по существу, осталась прежним, соглашательским «Лучом». Меньшевик Вавилов из кожи вон лез, чтобы обеспечить влияние меньшевистской газеты среди рабочих. По нашему примеру он пытался организовать во время обеденного перерыва громкие читки. Но эта затея провалилась. В разгоравшихся спорах о прочитанном меньшевикам крепко влетало.

А авторитет «Правды» продолжал расти. Уже в первый год выхода газеты нам удалось организовать групповую читку в селе Филипповке. Вот как это произошло.

Еще в 1905 году либеральная интеллигенция открыла в Кунгуре Народный дом, куда допускались и рабочие. Большевики А. С. Попков и А. О. Семенов, вошедшие в состав правления, потребовали выписать для читальни Народного дома «Правду». Однако правление во главе со своим председателем — директором Кунгурского реального училища Агровым отказалось сделать это.

Тогда большевики, пользуясь уставом Народного дома, решили создать его филиал в пригородном селе Филипповке. Для открытия филиала общества требовалось собрать не менее 50 подписей учредителей. Сбор подписей под заявлением губернатору был возложен на меня.

Пришлось немало поработать среди деревенской молодежи и крестьян села Филипповки и деревни Беркутово, убеждать каждого в отдельности. Предложение открыть филиал Народного дома крестьяне поддержали единодушно, а когда надо было «приложить руку», мялись — опасались, как бы не попасть под подозрение и не угодить за решетку.

Большим уважением односельчан пользовался крестьянин-середняк Иван Алексеевич Подосенов. Видя его подпись, они подписывались смелее.

Среди жителей села Филипповки давно вызревало решение создать общество потребителей. И, подписывая заявление, они говорили:

— Если у вас дело не выйдет, то мы этот самый культурный очаг создадим при обществе потребителей. У нас будут специальные отчисления от прибылей.

Наконец собрано 50 необходимых подписей и оформлены все документы. От имени правления мне было по-

ручено съездить в канцелярию губернатора. В Перми я сдал документы и выслушал обещание чиновника:

— Ждите, ответ вышлем.

Но ответа не было. Спустя месяца три я еще раз съездил в канцелярию губернатора. Тот же чиновник заявил мне:

— Ваше ходатайство где-то у нас затерялось, напишите новое.

Мы поняли, что власти не хотят дать нам разрешение на открытие филиала. Председатель правления Кунгурского Народного дома Агров, к которому я обратился с просьбой написать вторичное ходатайство к губернатору, ответил, что ему, мол, неудобно, даже неприлично надоедать лишним ходатайством его превосходительству.

Так и не удалось нам открыть в Филипповке филиал Народного дома. Но работа, проведенная среди крестьян, не пропала даром. Мы распространили на них свое влияние, привлекая крестьян к чтке «Правды» и другой политической литературы. Молодежь охотно собиралась на громкие читки, которые состоялись или у меня дома, в деревне Беркутово, или у И. А. Подосенова, в селе Филипповке.

В те годы согласно первому Уставу партии кандидатского стажа не существовало. Однако на деле всех, кто вступал в ряды партии, тщательно проверяли на практической работе.

Для меня такой проверкой стала работа с «Правдой». И когда в июне 1913 года состоялось собрание кунгурских большевиков, мои товарищи по революционной борьбе решили, что я достоин быть членом партии.

Но об этом собрании и о событиях, следовавших за ним, я расскажу особо.

В середине июня 1913 года в Кунгур приехал московский студент Н. В. Семовских. Его отец был владельцем кожзавода и обувной фабрики в Кунгуре. Он отличался невероятной скупостью. Отправив сына учиться в Московский коммерческий институт, отец почти не давал ему денег, и его сын-студент сам заботился о своем содержании.

В Москве Н. В. Семовских сблизился с рабочими, здесь он стал большевиком и работал в партийной организации Замоскворечья. В июне 1913 года Николай Ва-

ильевич Семовских приехал к нам с явкой от Пермского комитета РСДРП(б). Вскоре после его приезда на Иренской горе около деревни Рыбы состоялось партийное собрание, на котором я был принят в ряды партии большевиков.

Алексей Семенович Попков доложил, что знает меня больше года по совместной работе в депо, что по заданию партийной организации я занимался пропагандой партийных изданий «Звезда» и «Правда» и предложил принять меня в ряды партии. Его поддержал Николай Андреевич Гребнев, который в то время снова работал с нами в Кунгуре.

Особо запомнилось мне выступление Гребнева. Он рассказал о том, какое большое значение всегда придавала и придает в настоящее время партия приему новых борцов-революционеров в свои ряды. Гребнев говорил, что Владимир Ильич Ленин со всей страстностью отстаивал значение партийного членства на II съезде партии в 1903 году и на Пражской конференции 1912 года.

Возражений против приема меня в партию не было. Так я стал рядовым великой партии Ленина.

На этом же собрании был принят ряд важных для нас решений. Во-первых, было избрано руководящее партийное ядро нашей организации. Во-вторых, было решено начать систематическое изучение марксизма. Первой рекомендовалось изучить работу Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»<sup>1</sup>. Мне было поручено создать нелегальную большевистскую библиотеку и повести с ее помощью пропагандистскую работу среди рабочих депо. Участники собрания дали клятву на верность партии и решили: «Ввести строжайшую конспирацию. К предателям применять все, вплоть до казни».

Наконец здесь же было решено в конце июня созвать специальное собрание, где подвести итоги нашей годовой работы с газетой «Правда». Для собрания был назначен день (29 июня), когда кунгурское духовенство устраивало большой крестный ход на Спасскую гору, и вся полиция привлекалась для соблюдения порядка на шествии.

---

<sup>1</sup> Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 2, стр. 101—116.

Наше собрание состоялось на Иренской горе, около тракта за алебастровым заводом. Докладчиком был Н. А. Гребнев. Свое выступление он подкреплял примерами помещенных в «Правде» корреспонденций из Мотовилихи, Чусового, Перми, Каслей, Верх-Исетского завода и других мест. Тут же для сравнения были зачитаны выдержки из меньшевистской газеты «Луч», где все рабочие изображались отсталыми, политически безграмотными, тянущимися лишь к пьянке. Это вызвало у нас возмущение и протест. Меншевистский «Луч» и фракция меньшевиков в IV Государственной думе была нами сурово раскритикована.

В резолюции, принятой на этом собрании, горячо поддерживалась позиция большевистской «Правды» и резко осуждались деятельность меньшевиков-ликвидаторов и их печатный орган — газета «Луч».

«Мы горячо приветствуем год славного существования газеты «Правда», — говорилось в резолюции, — год тяжелой и неуклонной борьбы с существующим произволом этого единственного органа рабочей печати в духе последовательного марксизма... Она, («Правда». — Ф. К.) подобно маяку, ярко засветилась на фоне реакционной тьмы и своим социалистическим светом стала звать рабочих всей России к сплочению в одну братскую семью пролетариев всего мира. И перед ярким ее светом как тень бледнели все те жалкие площадки, тусклый свет которых лишь затемнял правильный путь к освобождению от векового рабства, так как их свет был светом примирения и приспособления ко тьме царящей власти...

«Ликвидаторство» в своей борьбе за освобождение пролетариата идет по линии наименьшего сопротивления, увлекаясь использованием тех незначительных «законных возможностей», которые завоеваны в 1905 году, отвлекая рабочий класс от основных его задач и конечных целей, урезывая старые лозунги социал-демократии, затемняя классовое самосознание пролетариата и внося в его ряды семя раздора, — всего этого достаточно, чтобы понять дезорганизующую роль «Луча» в деле организационного строительства политической партии пролетариата снизу.

...Еще раз приветствуем дорогую нашу «Правду», ее борьбу с оппортунистическими тенденциями «Луча»!